

Николай ВОРОНОВ

Истина о самом себе

> О подмосковном Переделкине, Магнитке, Калуге, Оптиной пустыни, Москве и о тех, кто был оклеветан

Продолжение. Начало в № 55, 58, 61, 63, 66, 69, 72, 75, 78, 81, 84, 89, 92, 96, 99, 104, 108, 113, 117, 125, 134, 137, 140, 145, 148, 151, 154, 157, 160, 164, 166 (2010 г.), 7, 10, 13, 16, 19, 21, 24, 27, 30, 36, 39, 43, 46, 50, 53, 56.

«Лягушонок на асфальте»

«В ранней его книге «Бунт женщины» – рядовые люди, увлекающие нас в свой мир порядочностью, красотой, трудолюбием и человечностью, запоминаются надолго, как запоминаются рядом с тобой из молодости – твой товарищ, понятный, похожий на тебя, на твоих близких однокашников. В романе «Котел» – лестница из туликовского индустриального мрака, отгородившего чувства и взоры подростков угольными терриконами, мартеновскими бурями от синих облаков, серебряных ливней, лестница к себе, к свету, к голосу Земли и человечества.

«Лягушонок на асфальте» – книга, появившаяся в самый разгар предчувствия нашего, что все мы, европейцы, азиаты, американцы, африканцы, отданы в заложники варварскому обращению с природой. Мы – будущие жертвы собственной темноты под сводами природы. В романе «Похитители солнца» Николай Воронов цитирует свою интересную глыбастую строку:

Мы – вулканы,

залитые черным базальтом,
Смешанным с тугоглавким металлом.

Как ни странно, в нас зарождаются Волны морские, и птицы, и злаки, и самоцветы.

[...] Богатым государством правил царь Зезий – государством хватугаев, имеющим несметные накопления драгоценностей, сграбастанных у своего народа, а прежде всего, у народа наивняков. Хватугаи пришли жить в глубину Земли, пользуясь энергией Солнца, которую научились улавливать наивняки-кулькены, обделяя их же светом и теплом. Кулькены скромны, бескорыстны, довольствуются безропотно крохотным пайком. Хватугаи-хаватунги не знают ограничений ни в чем, принимая как должное самопожертвенное до черной немочи невзыскующее существование кулькенов.

[...] Роман «Похитители солнца» Николай Воронов закончил давно... Думаю, рукопись «покоялась» по журналам и издательствам, ища себе уважения и пристанища.

[...] «Похитители солнца» – роман разный: грустный, страшный, смешной, привередливый...

[...] Тяжело, досадно читать о мелочных надувательствах, о грубых обманах одних людей другими, о страданиях народов, кинутых в жертву вершинной власти, ненаказуемого главноначальствующего каприза, подлости, садизма. У подданных – плохой хлеб, цинично малополезные продукты, у подданных – никакой гарантии на достоинство личности, на свободу мысли, на покой. У подданных – гарантия непокою: прослушают, просветят, прощупают, определяют, докажут, заставят признаться, принять казнь».

Георгий Жуков – наипервейший победитель западно-европейского фашизма

Все мы немножко Зезии

Когда я писал царя-императора хватугаев и наивняков Зезия, думал о диктаторах разных времен и народов. Своим анализом Зезия Валентин Сорокин укрупняет и многообразит его в иносказаниях: «И все мы немножко Зезии. В каждом из нас сидит маленький Зезий. Сидит – тоскует по большому Зезию. А все большие Зезии

– вместе тоскуют по глобальному Зезию, бессмертному Зезию. Без глобального Зезия маленькие Зезии в опасности: до них дотянутся, доберутся, придавят, а глобальный Зезий, бессмертный Зезий их поголовно уберет. Бессмертия одному, остальным – возлещесмертия. Каждому Зезию – свое. Но у каждого Зезия, кроме своего большого Зезия, должен быть единый Зезий. Глобальный Зезий. Бессмертный Зезий. Все мы немножко Зезии. Эх, эх, Зезии, Зезии!»

Подводя осознание романа «Похитители солнца» к метафорически объемному типу Зезия и к маршалу Жукову, произнесшему тост за меня, Валентин Сорокин единит Урал и русских, Урал и Пугачева, русича, вобравшего в историю своего незабываемого бунта башкир, украинцев, татар, и приобщает к судьбе Урала русского маршала, сосланного сюда генералиссимусом Сталиным.

«Край, воспетый Аксаковым. Русские, народ, отмеченный Аввакумовским страстотерпием и непокорностью, пронизательностью Льва Толстого (гений нашей словесности спасался от изну-

рительной болезни кумысолечением на Урале – Н. В.), Мамина-Сибиряка, настороженного поэта, корпусного комиссара революции Василия Наседкина, мужа старшей сестры Сергея Есенина Екатерины, расстрелянного сионистскими палачами»...

[...] «А тут еще сразу после Победы, не успели оглянуться, и привычно легендарный маршал Георгий Жуков – на Урале... Сталину в чем-то не угодил, а может, надоел вождю всех

племен и народов, корифею всех наук, светочу мира и его «мясорубу» Берии, надоел независимым характером и профессиональной непреклонностью? Когда Гитлер собирался праздновать падение Москвы парадом немцев на Красной площади, они терпели маршала, бесстрашного и гордого, вперед смотрящего, а сейчас, когда немцы разбиты, когда Берлин пал, одного Сталина хватит на все племена и народы, он единственный знает, где живет и ожидает нас коммунизм, олицетворение рая на Земле.

А я читаю и думаю: Зезий-то создал такое государство – никто, ни одно живое существо не могло остаться без тщательной проверки на «преданность», на «безопасность», на точность поступков, но лишь в пользу Зезию, ибо Зезий – я, он, мы, Родина, мир, бессмертие... Вот тебе и Зезии!»

С непроносимой очевидностью Валентин Сорокин пригребает всестяжавшего Иосифа к образу всестяжателя Зезия. И это непроизвольно наводит на догадку, что Зезии сохраняют за собой планку

достижений, даже ту, которую превзошел один из его подчиненных. Нет, генералиссимус, прежде всего, не Иосиф Джугашвили, а Георгий Жуков, наипервейший победитель западно-европейского фашизма, не стремившийся по щедрой скромности своей, простонародной, национальной, к партийному державно-государственному всевластию.

Взгляд великого полководца

Предварение тоста Валентин Сорокин изображает не во всем по жизни, но по духу точно: «Вот и приехал трижды Герой Советского Союза, Маршал Советского Союза, бывший командующий Уральским военным округом Георгий Константинович Жуков (в это время он был уже, после свержения Берии, министром обороны СССР. – Н. В.) на кладбище, на могилу Павла Бажова, друга в городе Свердловск. А зима – за 40 градусов. У могилы – семья Бажова, родные, близкие, тут и писатели – Ольга Маркова, Николай Куштин, Виктор Стариков, Станислав Мелешин, Семен Буньков, Олег Коряков... Появляется Жуков. Прочный, видный, необычный какой-то необъяснимой правотой и масштабом человек. Поздоровался. Каждого спокойно, для себя, оценил, как бы пригласил к себе, чуть потянул в душу, командирскую и надежную. А на Николае Воронове, напоминающем телосложением Жукова, крепышом, но еще очень молодым и распахнутым, приостановил взгляд.

Мы знали: маршал Жуков слывет среди военных отменным ценителем писательского слова, смолоту любит поэзию, стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова, а стихи Сергея Есенина в минуту искренней взволнованности наизусть читает.

А здесь – могилы. Давние. Мирные. А здесь – могилы военные: раненные солдаты, офицеры, генералы умирали у нас на Урале, а кому бог определил выздороветь, отправлялись на фронт, на фронт, на фронт!..

Георгий Константинович обтоптался. Прочный, каменно-надежный, задышал, воздух сизый колеблется. [...] – Есенин у России есть, Пушкин есть! А покоя у России нет.

[...] Поговорили у могилы. Помолчали. Ветерок стряхивал серебряный иней с деревьев, серебряный по цвету и звону. Вдова пригласила их домой. Пришли. Повесили пальто, шубы. Жуков – полушубок, выделанный почти до белоты. Сели за овальный стол. Помянули «огненным белым» Павла Петровича. Обогрелись.

Вдруг из-за стола поднимается Георгий Константинович Жуков: «Хочу предложить тост вот за этого орла» – показывает... на Воронова, – морозище, а он распахнутый, ядерный... Одежда летняя, садовая, во орел! Разных видел людей, мужественных, здоровых, спортивных, героических, но таких добровольцев прогуливать по лютый зиме не видел, выпьем за него!..»

Виктор Александрович Стариков, фронтовик, публицист, главный редактор альманаха «Уральский современник», объяснил ему, что Воронов – уралец с Магнитки, молодой прозаик, недавно окончил Литературный институт...

[...] Есть теперь у Николая Воронова не плащ, а монгольский кожан, не кепка, а меховая шапка, часть дачи, дети, внуки есть, как прежде, верные друзья. Но нет у Николая Воронова забвения о том, что не следует забывать: траву под окном, звезду в небе, родник, убегающий по разноцветной гальке, ну как забыть это?..

В пустыне Гоби, грязный от зноя и песка, Дмитрий Балашов, замечательный прозаик и ученый, кричал мне под гул и грохот машины: «А меня ранил топором бандюга, едва не зарубил, но Воронов спас... Он, не виноватого, меня из-под следствия вытащил! Я бы погиб».

И Вячеслав Богданов искренне любил Николая Павловича Воронова... К дверям забитым я зимой приду, Замочный ключ до боли сжав

в горсти, И улыбнусь хорошему соседу.

Друг. Старший товарищ по литературному труду. Земляк. Николай Воронов – хороший сосед, надежный и мудрый. Родное село оставишь, двери отчего дома заберешь, а душу такого человека не забудешь.

[...] И ныне на обломках СССР такого Зезия преподнесла нам эра, сидит в Кремле, палач и воротила. Сидит, могилы по России множит, а вот Чечню и заглотишь не может. Когда б не трусил с трапа он сорваться, к Басаеву б слетал поцеловаться!.. 1988–1999-й гг.»

О том, что знаю лучше всех на свете, Сказать хочу. И так, как я хочу.

«Юность в Железнодорожье» – это роман о создании жизненной мощи нашей страны в XX веке. Герои его настолько реальны, что не смогут уйти из памяти не только старших, но и будущих поколений... [...] Ставший сам частью народного исторического бытия, автор романа Николай Павлович Воронов создал портрет времени, устремленного в будущее, и при этом сохраняющего свою уже свершенную правоту

Продолжение следует

> Маршал Георгий Жуков слыл среди военных отменным ценителем писательского слова